

Сегодня же российский читатель получил богатую и достоверную информацию, почерпнутую не только из скрупулезно изученных книг и статей, но также из анкетирования, мемуаров историков и живого общения автора с ними. Предлагаемая Большаковой реконструкция убедительна и тщательно выверена, ее можно воспринимать как надежную лодию в море исследовательской литературы. Проведенная работа не оставляет сомнений в том, что изучение управления и реформиро-

вания России невозможно без учета огромного массива печатной продукции американских ученых. Книга должна стать обязательным чтением для широкого круга специалистов и студентов, специализирующихся на изучении отечественной истории.

Л.Е. Горизонтов,
доктор исторических наук
(Российский государственный гуманитарный университет)

Т.Н. Чернова-Дёке. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818–1917) (К 190-летию основания немецких колоний). М.: «Международный союз немецкой культуры», 2008. 208 с., ил.

Книга Т.Н. Черновой-Дёке является итогом многолетнего исследовательского труда, часть которого была опубликована на страницах журнала «Отечественная история»¹. Монография посвящена такой малоисследованной проблеме, как этноконфессиональный аспект отношений центра и окраин Российской империи. Немецкие колонисты, приглашенные царским правительством в XVIII–XIX вв. на постоянное поселение в России, сыграли заметную роль в освоении имперской периферии, прежде всего в Поволжье и Причерноморье². В меньшей степени изучена немецкая колонизация на Кавказе, и рецензируемая работа удачно восполняет этот пробел.

Автор поставила перед собой задачу проследить историю немецких колоний в регионе в контексте освоения кавказского «фронта» империи. Однако немецкие колонии исследуются в книге не только как средство укрепления границ, но и с точки зрения их собственного развития на протяжении столетия от начала поселения в 1817–1818 гг. до революции 1917 г. Конечная же точка истории немецких колоний на Кавказе связана с депортацией в 1941 г. 50 тыс. человек в Казахстан. На постсоветском пространстве история этой этноконфессиональной группы, помимо России и Германии, активно изучается в Азербайджане, слабее – в Грузии. Безусловным достоинством работы Черновой-Дёке является тот факт, что она не ограничилась российскими архивами, а привлекла архивы Грузии, что в сочетании с законодательными материалами обеспечило исследованию солидную источниковую базу.

Монография состоит из 7 глав, в которых последовательно рассмотрены возникновение и становление немецких поселений на Кавказе,

их экономическое развитие, демографические процессы, религиозная жизнь колонистов, система административного управления, положение кавказских немцев в годы Первой мировой войны. Книга снабжена документальными приложениями (копии архивных документов) об истории становления немецких поселений на Кавказе, извлеченными из российских и зарубежных архивов. Особо стоит отметить фотоиллюстрации, сделанные автором в местах бывших немецких поселений, от которых до сих пор остались зримые следы – кирхи, жилые дома, школы и т.п. Эти визуальные источники удачно дополняют документальную базу исследования.

Вторая после царствования Екатерины II волна переселения немцев в Россию была связана с манифестом 1804 г. о приглашении выходцев из Германии поселиться в Новороссии и Крыму (о Кавказе пока речи не было). Непосредственным же толчком к переселению стало разорение германских земель в ходе наполеоновских войн, а также кризис евангелическо-лютеранской Церкви. Часть отколовшихся от нее сектантов-хилиастов устремилась через Кавказ в Палестину, другая часть – в Америку. Всего в 1816–1817 гг. в Россию въехало около 10 тыс. выходцев из Германии. Большинство их осело в Бессарабии, но 2 тыс. «упрямых швабов» устремились на Кавказ, в 1818 г. достигнув Тифлиса. В районе этого города выходцы из Вюртемберга основали на отведенных им казенных землях 6 колоний. «Проконсул Кавказа» А.П. Ермолов был в принципе против массовой иммиграции в регион, но вынужден подчиниться воле императора Александра I. Благосклонность последнего, очевидно, была связана и с династическими узлами: сестра рос-

сийского императора Елена Павловна была замужем за королем Вюртемберга Вильгельмом I. Тем не менее переезд 1816–1818 гг. стал последним в истории иммиграции немецких колонистов (в 1819 г. массовое переселение в Россию было официально запрещено).

Период становления немецких поселений на Кавказе продолжался примерно 20 лет, причем на первом этапе, как установила автор, решающую помощь им оказал Ермолов, защитивший колонии от набегов горцев и персов и в то же время запретивший им дальнейшее продвижение за пределы империи. С 1828 г., когда Ермолова на Кавказе сменил И.Ф. Паскевич, политика благоприятствования была расширена: с колонистов списали долги по казенным пособиям, предоставив им новые дотации для хозяйственного освоения края и налоговые льготы.

В новых колониях переселенцы освоили привычные для них занятия – земледелие, виноградарство, сыроделие, кузнечное ремесло, гончарное и мукомольное дело. С середины XIX в. начался период процветания немецких колонистов, которому способствовало освобождение до 1887 г. поселенцев от воинской повинности. К 1870 г. они смогли рассчитаться по государственным ссудам на освоение земель. Симбиоз природного трудолюбия переселенцев и правительственных льгот и субсидий обеспечил существенный рост: к 1915 г. 15 закавказских колоний с населением 12 тыс. человек имели 45 тыс. десятин земли (в том числе арендной и купленной), 17 мукомольных мельниц. Сказалось и строительство железных дорог на Кавказе, благодаря чему поселенцы получили возможность расширить рынок сбыта своей продукции.

Тем не менее осталась нерешенной задача «наставления местных жителей в сельском хозяйстве», сформулированная еще Ермоловым. Пример колонистов ничему не научил кавказских аборигенов, которые продолжали вести свое традиционное хозяйство. Конечно, этому способствовала и религиозная замкнутость немецких общин, в том числе прямой запрет на браки с местными жителями. Поначалу поселенцы-сектанты находились в жесткой оппозиции к официальной лютеранской Церкви (не признавали пасторов, ратовали за свободу богослужения и избрание духовных учителей из собственной среды), но с принятием по инициативе правительства в 1841 г. Устава евангелическо-лютеранских приходов были фактически поставлены под общее духовное управление Московской консистории. Попытка в знак протеста эмигрировать в Иерусалим в 1843 г. была жестко пресечена властями (эмигранты были возвращены в свои колонии с помощью казаков).

Современная постсоветская историография, в частности азербайджанская, настаивает на том, что немцы-колонисты были орудием царской политики христианизации края. Однако, как справедливо отмечает автор монографии, колонисты сторонились всякой миссионерской деятельности, т.е. ни прямо, ни косвенно не служили миссионерским целям Русской Православной Церкви (с. 104). Что касается системы административного управления, то за исключением этапа освоения она соответствовала общеимперскому управлению Кавказом. Сначала действовала особая Временная контора при Главноуправляющем Кавказа, в период наместничества (1844–1882) было образовано Особое управление по иностранным колониям, а затем колонии подчинены Департаменту госимуществ при наместнике. С 1882 г. немецкие поселенцы переданы в ведение губернского управления общероссийского Министерства госимуществ, а с восстановлением в 1905 г. института наместничества и вплоть до 1917 г. находились под прямым контролем наместника Кавказа гр. И.И. Воронцова-Дашкова.

В годы Первой мировой войны, несмотря на то что все немецкие колонисты были российскими подданными и 1,5 тыс. из них были мобилизованы в русскую армию, на немецких поселенцев на Кавказе распространялись общие репрессивные меры против выходцев из Германии. В частности, в 1915 г. было принято решение о насильственном отчуждении земель колонистов в 100-верстной прифронтовой полосе, поскольку они считались занимающими казенную (надельную) землю, а год спустя это решение было распространено на все земли колонистов. Правда, до февраля 1917 г. эти меры так и не были осуществлены, вероятнее всего, в связи с колоссальными трудностями военного времени. Особо подчеркнем, что, как отмечает автор, депортации наподобие той, что в 1941 г. провело советское правительство, царский режим даже не планировал.

Исследование Т.Н. Черновой-Дёке, небольшое по объему, но ценное в фактологическом плане, вносит существенный вклад в изучение истории российских немцев, важной составляющей этноконфессиональной структуры населения Российской империи. Эта книга станет полезным пособием для всех исследователей российской демографии, специалистов в области истории Кавказа и историков, занимающихся проблемами отношений имперского центра и национальной периферии.

Ю.А. Петров,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Чернова-Дёке Т.Н. Позиция и роль А.П. Ермолова в становлении немецких колоний в Закавказье // Отечественная история. 2008. № 1.

² История российских немцев в последнее время успешно разрабатывается совместными уси-

лиями российских и германских историков, см.: Чернова Т.Н. Российские немцы. Отечественная библиография 1991–2000 гг. Указатель новейшей литературы по истории и культуре немцев России. М., 2001; Немцы России. Энциклопедия. Т. 1–3. М., 1999–2006.

А.В. Ремнев. Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX века). М.: РОССПЭН, 2010. 511 с.

В монографии А.В. Ремнева предпринята попытка переосмыслить механизм власти, существовавший в России в пореформенную эпоху, однако многие сюжеты и тенденции рассмотрены автором на более широком временном отрезке – начиная с царствования Александра I и заканчивая Февральской революцией. «Самодержавное правительство» в понимании Ремнева это не что иное, как «механизм российского самодержавного правления» (с. 6), история же Комитета министров представляется ему «главным образом хорошим поводом» для того, чтобы проанализировать «высший уровень власти», реконструировать взаимодействие «самодержавного монарха и его правительства» и обнаружить «разграничительную линию между этими явлениями» (с. 8). Прежде всего Ремнева интересует выяснение правомерности употребления термина «правительственная политика», а также выявление «акторов и институций», причастных к «выработке и реализации» такой политики (с. 9). Однако фактически замысел исследования еще шире. Не будет преувеличением сказать, что на примере «системы высшего управления» автор стремится изложить целостную концепцию специфической российской политической модернизации. Подобный перенос фокуса исследовательского интереса с имеющего длительную историографическую традицию описания «конфликта власти и общества» к изучению «противоречий внутри самой власти» (с. 9) представляется давно назревшим и оправданным.

Поскольку анализ деятельности Комитета министров воспринимается автором книги как «хороший повод» выйти на новый уровень осмысления технологии власти «самодержавного правительства», обращение в первой главе к истории этого государственного учреждения становится неизбежным. При этом следовало бы сразу же отказаться от сугубо институционального подхода и сконцентрироваться на той политической игре, которая велась вокруг статуса как самого этого учреждения, так

и его главы. Так как для автора «самодержавное правительство» – это оптика или даже система «оптик» (с. 10), позволяющая заглянуть «внутрь самой власти», а Комитет министров – прибор для подобного наблюдения, анализ данной политической игры и должен составлять главное содержание вводной главы. Изложенные Ремневым факты свидетельствуют о том, что он ее хорошо понимает и тонко чувствует. Особенно удачно в этом отношении раскрыт диапазон возможностей Комитета министров (именно как органа «самодержавного правительства»), освещенный сквозь призму политического «искусства редактирования» документов в комитетской канцелярии.

Однако в целом глава все же оказывается перегруженной деталями вследствие попытки Ремнева изобразить Комитет министров через сферу его компетенции, что в принципе едва ли уместно при рассмотрении самодержавия XIX – начала XX в. Политическая система в это время развивалась в направлении некоей специфической формы правового государства с неминуемо должной – раньше или позже, но неизбежно – возникнуть конституционной (со всеми оговорками) регламентацией власти. Не будет ошибкой вслед за автором сказать, что такое направление эволюции политической системы было задано в начале царствования Александра I. Но все-таки точнее, правильнее заметить, что подобный курс был предопределен еще петровской адаптацией западной абсолютистской модели, пускай и воплощенной у нас в очень специфическом исполнении.

Институция (а тем более сфера ее компетенции) в меняющейся политической системе не является сколько-нибудь значимым фактором. Между прочим, Ремнев и сам чувствует условность институционально-компетентностного подхода, называя в заключении работы Комитет министров, а также Государственный совет и Сенат «в значительной степени органами универсальной компетенции» (с. 490). И в этом смысле, с одной стороны, автор, говорящий применительно к технологии принятия